

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

Эпос калмыцкого народа

VIII пленум правления союза советских писателей СССР, открывшийся 7 сентября в г. Элиста, столице Калмыцкой АССР, посвящен пятидесятилетию юбилею калмыцкого национального эпоса «Джангар».

Характер советских литературных юбилеев определяется ленинско-сталинской национальной политикой коммунистической партии.

Значительно продвинулось вперед в научное изучение «Джангара». До юбилея научная литература, посвященная «Джангару», была крайне бедна.

Эпос «Джангара». По сути, работа эта должна быть продолжена и углублена.

Максим Горький, которому принадлежит инициатива перевода «Джангара» на русский язык, говорил на всеюсерном съезде писателей: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...»

И в самом деле: в «Джангере» мы находим поэтическое и своеобразное выражение чаяний трудящихся калмыков о будущем, их представление о нравственном кодексе поведения человека — сына народа, связанного с народом.

«Джангар» проникнут духом боевого патриотизма. Он учит отбывать свою жизнь на защиту родины. Он воспевает храбрость и неустранимость в юзу за высокие цели.

С выбором головы вражды начал снимать: Он, обезглавливая спесивую знать, Также и лучников, грозных стрелков не щадил.

Лишь подневольных одних бедняков щадил!

Богатыри калмыцкого народа дают клятву доблести и верности народу. Все его подвиги целиком, без остатка, посвящены защите родины.

Советская власть дала калмыцкому народу национальное самоопределение и освободила его от русских и собственных эксплуататоров.

Клятва верности джангаровых богатырей в наше время превратилась в клятву верности социалистической родине.

Церн ЛЕДЖИНОВ

ПРЕКРАСНЫЙ ВЕЧЕР

Пахнули просторы прохладой живой, Игроу созвездия сквозной синевой. В ложбинах туманных журчат родники, Воздуху струи нежны и легки.

Брожу в синезвездной степной тишине, Крылатые стюфы роются во мне. Созвучья прихают — гурьбой, за гурьбой.

Д. КУГУЛЬТИНОВ

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

(Отрывок из поэмы)

Весенней ночи теплота Над нашей степью разлита, Простор прозрачен и далек. Порою легкий ветерок, Слетев с лазурной высоты, Кольшет сонные цветы.

На час, другой прервав свой путь, В бурьян садятся — отдохнуть. Как воздух чист! Как ночь светла! Как степь родная расцвела!

Перевод Д. Бродского

Аксен СУСЕЕВ

СТАЛИНСКАЯ РЕЧЬ

Волнуются на рассвете, Играя листовой сагой. Как тени ребенка светят, Умыты росой, плывы.

Халима бего — и радость Над светлой землей звучит. Чирчик, приносил прохладу, С Чингисханских вершин бежит.

В долинах Узбекистана Слагают письмо тому, Чье мужество — неустанно, Чей взгляд — рассекает тьму.

Не хмурится Алату, И, соки в себя вбирая, Казахские степи вскипают Волнами душистых трав.

Джамбур на вершине жизни О юности и зоре, О Сталине и отчизне Звонит на своей думбе.

А в Грузии, подной света, Под солнцем кипит листва.

И всюду так много света, Так празднична синева!

От Арктики до восточной Украины — эту речь Вспарили мы слово в слово, Чтоб в сердце верной сберечь.

И Днепр светосильный ясен, Весь в солнце и весь горит. О милком своем Тарасе Украина говорит.

И зори цветут, и тихо Лыхают сады стругат. И русский народ в великой Семье, словно старший брат.

И радостью, всей семьею, Мы слушали речь вождя, Чей взгляд засиял звездою, В счастливую даль вея.

От наших степей счастливых, Где солнца не морщит свет, От наших детей счастливых Я Сталину лью привет!

Перевод А. Ойслендера

Иллюстрация художника В. Фаворского к юбилейному изданию «Джангара».

НА ЮБИЛЕЙНОМ ПРАЗДНИКЕ

ЭЛИСТА. (От наш. спец. корр.). На станцию Ливное поезд пришел затемно. На площади у вокзала толпы людей — сердечное встречают гостей, делегатов VIII пленума союза советских писателей.

Первый улус — Приятный. Слова радости встречая. Дети с цветами, возбужденные лица. Митинг. В город приехал ночью. Среди маленьких чистых домиков возвышаются постройки: школа, педагогический техникум, гостиница.

тиги, делегация писателей братских республик. Митинг, посвященный пятидесятилетию «Джангара», открывает секретарь горкома партии тов. Колбасов.

Велика наша радость сегодня, — говорит он. — К нам приехали писатели, поэты, ученые со всех концов Союза, чтобы отметить великое торжество народа.

За неделю

В БЮРО НАЦКОМИССИИ

На очередном заседании бюро национальных комиссий ССР на-днях обсуждались вопросы перестройки работы по-новому и предварительная наметка плана до конца года.

В ближайшие месяцы предстоит организация и проведение литературных юбилеев чувашского поэта Константина Иванова, башкирского — Малжита Гафури, киргизского — Токтогула и подготовка к ознаменованию больших юбилейных дат Назимы и Ингами.

Одной из первоочередных задач бюро национальных комиссий является разработка методики переводов прозы, которой будут посвящены специальные заседания комиссий и бюро.

В плане работы бюро — создание секции татарских и цыганских писателей. Цыганские писатели уже в ближайшее время считают необходимым вмешаться в репертуар распространяющихся на эстраде цыганских ансамблей, которые игнорируют подлинный цыганский фольклор.

Выступившие на совещании гг. П. Скопьев, В. Гольцев, С. Евгенов и Л. Пепельковский подвергли критике устаревшие методы работы бюро и комиссий. Они считают прежде всего необходимым пересмотреть состав комиссий и освободить их от «мертвых душ».

Тов. С. Евгенов указал на недопустимо медленную подготовку к изданиям книг национальных авторов.

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). На-днях в Дальневосточном отделении союза советских писателей обсуждался план изданий художественной литературы на 1941 год. Директор Дальгиза тов. Хорин сообщила, что план будет в основном базироваться на издании юбилейной литературы.

Выступившие в прениях писатели указывали на недостатки плана. В нем значатся книги, которые фигурируют в планах из года в год, но не появляются в свет. Писатели единодушно признали необходимым повысить требования к качеству книг и расширить круг освещаемых тем.

Решением бюро Дальневосточного отделения ССР подготовлена к 20-летию Советского Дальнего Востока в 1942 году становится в центре творческой работы Особо подчеркивается задача создания фольклорной комиссии.

Гешено провести конкурс на лучший рассказ и лучшую пьесу о Дальнем Востоке. Создается «Литературная газета по радио».

НЕДОЧЕТЫ «КРАСНОФЛОТЦА»

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Каждый две недели в Ленинграде выходит из печати и рассылается по боевым кораблям и базам всех флотов нашей страны новые номера литературно-художественного журнала «Краснофлотец».

Одна из серьезных недостатков журнала т. Корниченко считает то, что он не сумел обогатить вокруг себя писателей, пишущих на морские темы.

Член редколлегии «Краснофлотца» Борис Лавренко в развернутом выступлении наметил ряд конкретных вопросов, связанных с перестройкой журнала.

МОГИЛА СЕСЬЕЛЬ МИШШИ

ЧЕРНИГОВ. (Наш корр.). В городе Остреве, Черниговской области, украинский писатель Михаил Хазан обнаружил могилу и материалы, относящиеся к последнему году жизни Сесьель Мишши.

НОВАЯ ПОСТАНОВКА «МАКБЕТА»

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). С интересом встречена в Ленинграде новая работа Государственного академического театра драмы им. Пушкина — трагедия Шекспира «Макбет» (перевод А. Радловой).

ЧЕСТВОВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКА Т. М. БОРИСОВА

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). 31 августа дальневосточная общественность отметила 35-летний юбилей литературной деятельности старейшего дальневосточного писателя Трофима Михайловича Борисова.

Бюро Дальневосточного отделения союза писателей в своем письме Т. М. Борисову тепло поздравило юбиляра и пожелало ему новых творческих успехов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДАРОК МУЗЕЯ ИМ. КОЦЮБИНСКОГО

Научные работники черниговского музея им. М. М. Коцюбинского слали в набор второй иллюстрированный сборник, в который вошли не известные до сих пор материалы, собранные директором музея — братом писателя Ф. М. Коцюбинским во время его поездки в советский Львов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДАРОК МУЗЕЯ ИМ. КОЦЮБИНСКОГО

Научные работники черниговского музея им. М. М. Коцюбинского слали в набор второй иллюстрированный сборник, в который вошли не известные до сих пор материалы, собранные директором музея — братом писателя Ф. М. Коцюбинским во время его поездки в советский Львов.

В письмах освещается период 1909—1912 гг., когда Коцюбинский интенсивно работал над гуцульской тематикой и находился в дружбе с Алексеем Максимовичем Горьким.

Выход сборника приурочивается к годовщине освобождения Западной Украины от польского ига.

1) Кол золотой — Полярная звезда. 2) Маралы — создания Северного Ветца. 3) Семь бурханов — Большая Меленуца.

М. МИЛЛЕР

МОНТАЖ НЕСКОЛЬКИХ ГЛАВ ЭПОСА

В основу сокращенного текста эпоса положены «Песнь о походе против лютого хана Хара Киняса» и некоторые отрывки из других глав.

Превознеси и ханшу-супругу бойца,
Бреющую клятву дали друг другу бойцы:
«Жизни свои острою копья предадим,
Мысли свои державе родной посвятим,
Да отрешимся от зависти, от похвалы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы,
Грудь свою обложим и вышем сердца
И за народ отдадим нашу кровь до конца.
Верными Джангру, едиными будем вовек,
И на земле будем жить, как один человек.
Да никогда богатый не кинется велять,
Вражью завиде неисчислимую рать,
И да не будет коня у него, чтоб не мог
Вихрем взлететь на самый высокий отрог.
Да никогда, никому бы страшно не была
Сила железа, кланеного добра,
И да не будет страшна никому никогда
Рассыпанного океана вода,
И да не съестся никогда слалча,
Что убоялся бы ледяного меча,
И да пребудем бойцами правдивыми мы,
И да пребудем всегда справедливыми мы,
Выполним клятву, чтоб совершенство достичь,
Высшего, светлого круга блаженства достичь».

Владыка извечных врагов Бумбы — мангасов (многоголового чудовища), лютого хана Хара Киняса, поручает своему прославленному воину Беке Пагану захватить в плен богатыря Хонгра — опору страны Бумбы и поработить народ Джангра. Беке Паган клянется, что выполнит поручение Хара Киняса.

Мудрый старик, ясновидец Алтан Педжи
Передаст эти речи хану Богдо,
Передаст богатырскому стану Богдо.
Голосом Хонгра наполнилась бумбула:⁶
— О, мой воин, затмивший сиянье зари!
О, дороги, как сердце, богатыри!
Слышали вы мангасского хана слова,
Слышали также Беке Пагана ответ.
Ежели алая кровь на песок прольют,
Станет одним лишь глоточком богатое свет.
Ежели высохнут кости мои на Эрлюк,
Горсточку праха станет больше тогда.
Ежели буху булатом сражен — не беда!
Также не будет обиду для меня,
Ежели гибель найду под копытом коня,
Только сначала в ущельях горных пеней
Силу Пагана измерю я силой своей! —
Джангар ответил, когда богатырь замолк:
— Страшный овецким отарам, алым мой волк,
Острым бердыш, внушающий ужас врагу,
Камennyй щит мой, заступник моей души!
Нет, одного пустить я тебя не могу,
Чтобы с мангасом ты встретился в дикий глуши,
Но навешаю тебе смертью самой!
Что, если выйдешь всей богатырской семьей?
Хонгор сказал: — Неправильны ваши слова.
Заговорит обо мне левская мовля:
«Струсил перед мангасским посланцем он,
Справиться не сумел с чужестранцем он,
И в помощи хана, в помощи войска прибег».
Нет, не бывает позору такому вовек
У достославных дербен-обратов⁷, воинов,
У достославных, непобедимых племен!
Воды стремятся в ложбинки с горных хребтов;
Делатель должен вкушать от своих плодов;
После заката — летнему зною коней;
После кончины — счастья не знает боец,
То, что случится, найдет впереди...
Эй, копейца, коня моего приведи,
Силку ленивого, льского моего,
Сильного, — можно Алтай взвалить на него,
Крылого, — можно полмира обехать на нем.
Пусть он слышит в мангасском, лютом краю,
В странах владык четырех — ленивым конем.
Но не забуду я случая, чтобы в бою
Дал он гонять себя вражескому коню,
Дал он поймав себя в хитрую западню! —

Джангар соглашается на отъезд Хонгра и обещает ему через семь недель вступить во главе всего войска в бой с Хара Кинясом. Этим решением недоволен восьмилетний Шикиршиги — отец Хонгра.

Вот Шикиршиги, державший бурдюк с аракой⁸, —
Сто силачей не подымут кланди такой —
С места привстал, отбросил бурдюк далеко.
Видно, было горе его велико.
Так он спросил: — Справедливо ли, мой владыка,
Чтобы мой Хонгор, мой единственный сын
Послан к мангасским лютым чудовищам был,
Хонгор, который моим сокровищем был!
Хонгор — еще неотточенной стрела,
Хонгор — еще неокрепший летящий орел,
Хонгор — еще тигренок без острых клыков,
Юнона без настоящих, мужских кулаков.
Можно ль послать к мангасам такое дитя?
Джангар-воин, оставь ты в покое дитя!
Будешь ты здесь делять ханшу свою
И наслаждаться черной своей аракой,
А за тебя в это время в чуждом краю
Хонгра кровь прольется красной рекой!
Кто, как не Хонгор, крепость держав твой?
Кто, как не Хонгор, сиянье славы твой?
Кто, как не Хонгор, твой величавый хребет?
Зрелых еще не достигнув и мудрых лет,
Чей же ты силой вынул ханов ветров
Кланяться низко твоим ногам в стремнах?
Кто, как не Хонгор, сделал мирным твой кров?
Кто, как не Хонгор, поверг твоих недругов в прах?
Были он гонимом всех, осужденным тобой,
Были победителем всех, полюбленным тобой,
Как же решился ты — вернуть ушам не могу —
Хонгра послать на верную гибель к врагу,
— К дитям ала, к невинным смельчакам?
Лучше меня, взен-хан⁹, на куски раздоби!

И зарыдал. Огромные, как воробы,
Сизые катанисы по желтым, старым щекам.
Сына себе на колени старик посадил,
Попцеловал и взглядом своим осушил.
Хонгор ответил родителям не слова:
— О, мой отец, я вижу в ярости вы...
Дороги мне вы, как собственная душа,
Глазным остались, однако, до старости вы!
Супа не будет, пока наяву не воскресит...
Видимо, вы сырая вола, Шикиршиги...
Слушайте славных богатырей круги:
Если мой конь четверых не лишится копыт,
Сам я — не буду в полон мангасами взят,
— Через пятнадцать лет я вернусь назад.
Хонгор взнуздал дорогое коня своего
И под углом восходящих лучей полетел.
Днем не дивал он и ночью не почевал.
Сердцеобразный колокол он мпновал
И мпновал он людского жилья предел
И на пустынный выехал переклад,
И закричал в открытое ухо коня:
— Должен ты в месяце Юр доставить меня
К диким отрогам серебряно-белой Эрлюк.
Чашу — своей вил вражьей — крови прольют.

Конь, услышав повеление ездока,
Дальше своих челюстей закидывать стал
Ноги передние, легкие, как облака.
Мчался, как будто буре заново встал,
Задние ноги к прекрасным падам подбирал
И четырьмя копытами свет пошпирал.
А лозин — прозрачная пыль понылася,
Разутово в небесный свод уперлася,
Белая пена кружилась над головой,
Красная пена селала с обих улий.
По полю тонкой тинулася она пеленой.
Хонгор к земле наклонился на всем скаку
Он из-под стремени белой ланью схватил
Горсточку милого, выжженного песка.
Трижды прочтя заклинание бурхана¹⁰ войны,
Душу трикратно, подбросил песок в небеса.
Образовалась огромная величинья
Сияния туча, волшебный дождь полился.
Ветер провел прохладной и мягкой рукой
По волосам скакуна. От ласки такой
Нежной доброй зазвучала грива коня,
Хвост распушился, прекрасной дужкой звеня!
Бури быстрой побежал огтяннный конь.
Будто пуляла тени хозяина, копь
Прыгнул, казалось, брезгуга телом земл.

На горе Эрлюк, как предсказал ясновидец Алтан Педжи, Хонгор встречает врага — Беке Пагана. «Прозвоня свое notizia» — говорит ему Беке Паган.

Неукротимый отвечивал исполнит:
— Джангар — мой владыка, предводитель дружн.
Ханство мое — одна из алтайских вершин.
Сила моя — несметный великий парод.
Он забывает в сраженьях слово: назад!
И повторяет в сраженьях слово: вперед!
Бумба — моя отчина, где каждый — богат,
Все родониты, нет близкого и сирот,
Смерти не знают в нетленной отчине там
И мертвецы возвращаются к жизни там.
Этой страной враг никогда не владел:
Стал я броною мирских и духовных дел! —
— Слушай: отец мой — славный Менген Шикиршиги,
Первым ребенком я был у Зандан Герел.
В огненном море шумулов¹¹ горел — не сгорел.
Страшным подверженным мукам в адских краях,
Не возмем я привычки выкрикивать: йах!
В самое пекло вступил я, не зардевав!
Кто же ты сам, отверженец всех держав,
Где твоя родина? Кто над тобой властелин?..

Молвил Паган: — Я грозу народов слышу,
Злобного хана Киняса я исполняю,
Еду я, чтобы разрушить твою бумбулу,
Еду я, чтобы детей превратить в сирот,
Еду я, чтобы в раба превратить народ,
Еду я, чтобы нетленных — жизни лишит,
Еду я, чтобы людей — отчины лишит,
Еду — загнать их в зарепопные места,
Еду — забрать их четыре вида скота¹²,
Еду я — разгромить богатырскую рать,
Еду я — гордого Хонгра в полон забрать,
Вот, мой противник, и встретился мы с тобой!

Чтобы взглянуть на бойцов — из глуши лесной
Птицы стелались, дикие звери пришли,
Рыбы морские слушали на мели
Отзвуки битвы. Катились груды камней,
На полянок взглянуть бойцов и коней.
Всюду сталь испробовали слалчи:
Копья, булавы, кинжалы, пики, мечи.
Коня струя наветру неслас остроно,
Много приложено было стараний тогда,
Но победителя не было в этом бою.

И понатужился храбрый Беке Паган,
Силы свои собрал и подиал великан
Алого Хонгра — подиать его не легко!
И перекинул через себя, далеко,
Вызвав землетрясение, взметнув ураган.
Хонгор хотел было встать, но Беке Паган
Локоть железный вставил в его позвонок.
Хонгор и тут оказался истинным львом:
Нет, не согнул он раскинутых рук и ног,
Нет, не кокнулся песка шершавого лбом!
Так продергался три дня, три ночи боец.
Утром четвертого дня сказал, наконец:
— Не были мы в этой жизни врагами с тобой,
Так почему же в смертельном вступили бой?
Ради владыка, — двое богатырей?
Ханы того не стоят и все их дела,
Чью из-за них, добытые от матерей,
Мучили мы и терзали свои тела,
Чтобы живая, вневнная кровь текла!
Дано, твою взяла, твой злою мною верх,
Только запомни: каким бы меня ни полверг
Пыткам, — убить не сумеешь, я не таков,
А навешешь ты врата навеки веков.
Свяжешь теперь — потом сожалеет бы не стал!

Беке Паган, заковав Хонгра в тяжелую цепь, привязывает его виз головой к хвосту своего коня, увидит коня Хонгра — своего Лыску — и отправляется в мангасское ханство.

Хонгрово тело покрывало тогда синева,
С кочки на кочку подпрыгивала голова,
Рытину мпнув, падала в ямину вновь.
Пленник освободиться хотел от ремней —
В нежные кисти впинаясь они сильней,
С конюхом пальцев сочилась алая кровь.
От бесперывных ударов о глыбы камней.
От быстроты ссызавшихся в беге коней
Хонгор в беспмятство падал на много дней.
Ехал лесами, привязан к хвосту скакуна,
Птицы лесные летели с утра до темна,
Недалье стан следовали над ним.
Пели — напев их звучал рыдающим ошмем!
Ехал горами — к нему из логов и нор
В горы бежали когтистые жители гор,
Звери, неведомые странам земным,
Жабяно вой, следовали за ним.
Ехал морями, где много талтас бег,
Рыбы морские сбрасали на каждую мели,
Вымученными глазами глядя в след.
Ехал он степью — колючатые ковыли
Стебли вытягивали, печально звеня.

Мальчик-паствука рассказывает Джангору о пленении Хонгра. Джангар и все его шесть тысяч двенадцать богатырей отправляются на бой с Хара Кинясом.

Савар Тяжелорукий на буром коне
Первым достиг далекой мангасской земли.
И поспал он по необжитой стране...
Женщина подняла слеза вали
И собрала отбросы бурной реки...
Где только толпы не пахнут баняки!
Блеском очей темнотурного скакуна.
Желтым спящем секиры ослеплена,
На чужеземца поглядывала она
Из-под ладош... Спронил ее Савар тогда:
— Слушай, сестра, не знаешь ли ты, куда
Спрятали положенного богатыря,
Что побеглен Паганом в честной борьбе? —
Та — повернулась к нему спиной, говоря:

— Может быть, он доводится братом тебе?
Может быть, хочешь Пагана теперь показать?
Что же, сказать, не сказать, сказать, не сказать?
Поклобавшись, сказала: — Была, не была!
И почему не сказать? Четыре кола:
На почв вбивали в логги и руки его,
Днем изгнали его беспрерывно бичом.
Восемь недель пролужались муки его!
Целая рать издалася над слалчом.
Колья сломались и растянулись бичи,
А не смогли погубить его палачи,
Жив еще пленник, стараниям их вопреки.
Плачут о нем старики и старухи!
Видя, что нет погуби силы его,
Новый подвергнуть пытке решили его.
Длинный железный прут поднесли к огню,
В горне большом накаляли его до бела
И пропускали четыре раза на дню
Через уста в желеуок, — но смерть не пришла,
Пленника жизни лишит не могли палачи!
Пытку другую придумал Киняс: он — хитер!
Бросили самые крепкие слалчи
Связанного храбреца — в огромный костер.
Вдруг, с покрывало кибитки величиной,
Туча, висевшая в небесах с утра,
Медленно стала спускаться на плямя костра
И разлилася дождем и белой крупой,
И потушила костер дождевая вода,
Пленник стоял в головнях неврелим и злорол!

Сжечь на костре не сумел, порешили тогда:
С камнем на шею, размером в сорок коров,
Бросить его в глубокий, селой океан.
Но, словно пробка, всплыл над водой великан!
Все перепробовав, собрались на совет.
Экая притча! На Хонгра погубили нет!
Крепким бичом истязают — не стопет он,
В безну морскую бросают — не топет он,
Мучают — не замечает, в костре не горит!
И на совете каждый свое говорит:
Кто предлагает бросить пленника в пасть
Десятиглавого муса¹³ — в горах он живет!
Кто предлагает бросить пленника в пасть
Щуки морской — владычицы жителей вод!

Но посоветовал, — сказывали старики,
Мудрый провинец Кюске: — «Дадим араки
Пленному, к жизни да будет он возвращен!
Если действительно Хонгра мы взяли в полон,
Противостоять не сумеет его судьбе.
Знайте же: нет у него души при себе!
Если не дожди Джангар до смертного дня
И не разбиты копыта его коня,
Если не сломан Джангара сандаловый дрот,
Если не сломан Джангара великий народ,
— Нам отомстит когда-нибудь Джангар-воин!
В юные годы заставил он ханов племена
Кланяться низко своим ногам в стремнах,
И покорило он ветра четыре навея.
Хонгра отпустим, пока он в плену не зачал,
С этим побоем пребудем в мире навеки!
Право, не знаю, как порешил совет.
Все, что слыхала, брат мой, от разных людей, —
Все рассказала! — Савар вручл ей в ответ
Золота слитков, ценою в старе лошадей.
— Это, — сказала он, — награда на первый раз...
Ну, погодя же, лютого Хара Киняса!

Вслед за Савром Тяжелорукий прибывают Джангар и его богатыри и вступают в бой с непобедимыми полчищами Хара Киняса. Уже легла половина джангоровых войск и половина войск противника. Джангар поднимается на дрот лютого хана Хара Киняса, но дрот ломается пополам. Тогда Джангар, по совету богатыря Строгого Санала, отправляется к кузнецу Дархану Кеке. Недалеко от его кузницы Джангар прячет обломки дрота в речном песке, превращает себя в крохотного мальчугана, а своего коня — в жеребеночка.

Вскоре добрался до кузницы Дархана Кеке.
Джангар увидел: трудиться не просто там!
В сутки сменялось работчиков до ста там,
Тяжкой работы не выдерживали у мехов.
Если без спроса в кузню входили — беда!
Это считалось ужаснейшим из грехов,
Строго наказывали виновных тогда!
Мальчик, не выдержав, в кузню без спроса бежал.
Сразу поднялся один из ста кователей.
Самый тяжелый молот в руках он держал:
— С пламенным ликом, с грозной горстью очей
Что ты за мальчик, откуда пришел ты и чей?
Кто разрешил тебе в кузню войти, не спрося?
Голову с плеч сниму я тебе сейчас! —

— Дядюшка, неповинна моя голова.
Только сейчас о порядках таких узнаю!
Старший кузнец, услышав такие слова,
Молот стальную опустил и кузню свою
Вгляделою обвел красноватых и зорких глаз.
И двадцати кузнецам он отдал приказ,
Чтоб уступили мальчику место сейчас.

Мальчик сел у мехов и легко, без труда
Уголь воспламенил! Наумилась тогда
Горновница, стоявшие недалеко!
Остановиться велел мальчугану Кеке.
Молвил он: — Очи твои подобны глазам
Согола, воспарившего к небесам.
Слишком походил ты на владыку держав.
Слишком твой облик божественен, величав!
Девушки, что собирают отбросы в реку,
Могут еще унести — озорной народ!
— Самопаный дрот, который ты спрятал в песке.
Так поскорей принеси мне сандаловый дрот.
И по наказу Узонга — отча твоего —
Сделай его. Мой Джангар, три гола всего
Выло тебе в ту пору... Когда на дрот
Я надевал двенадцатиловный кожух,
— Воздух во внутрь проник. О, я знал наперед,
Что через семьдесят лет сандаловый дрот
В схватке с Хара Кинясом сломается вдруг.
Знал я: отломится дерево от остря.
Именно там: где воздуха скрыта струя...

Мальчик принес обломки дрота ему,
Чтобы скорее пошла работа, ему,
Джангру, — меха разувая приказал кузнец.
Длинный сандаловый дрот готов, наконец!
Джангар поблагодарил Дархана Кеке,
На поле битвы коню скалат приказал.
Мысли быстрой полетел скакун Аранзал.
Через четыре недели поюн владела
Вражьей войска увидал: оттавший Санал.
Злобных мангасов к воротам моста занал.
Богатыри Джангара, совершая неслыханные подвиги, образуют врага в бегство. Джангар поручает Строгому Саналу «дело войны», а сам отправляется на поиски захваченного мангасами Хонгра.

После ожесточенных боев богатыри Джангара побеждают мангасов. Лютого хана Хара Киняса и Беке Пагана попадают в плен. Джангар чудесным образом вызывает животворный дождь и возвращает к жизни павших воинов.
Так утвердился в стране желанный покой,
Солнце бесмертия засияло над ней.
Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда весна,
Где, не смолкая, ведают хорошеи слов
Жаворонки слазкозвонные и соловьи.
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бесмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.

Монтаж сделан С. Липкиным

1 Аранзал — сказочный конь; копь Джангара.
2 Мирле — талисман, носимый на шею.
3 Войно — князь.
4 Богдо — «священный» — титул Джангара.
5 Невеста — вежливая форма обращения к замужней женщине.

6 Бумбула — ханская ставка, дворец.
7 Дербен-обраты — историческое наименование калмыков.
8 Арака — вола, пригтовленная из заваренного молока.
9 Эзен-хан — император, хан ханов.

10 Бурханы — буддийские божества.
11 Шумулы — дьяволы.
12 Четыре вида скота: лошади, овны, коровы, верблюды.

